

«У нас с Текубой бартер»

Александр Ширвиндт о лицедействе и лицедеях

Три десятилетия жизни и творчества Александра Ширвиндта принадлежат театру сатиры. В этом году театру – 80. Но кроме юбилейной суматохи его художественного руководителя беспокоят и отсутствие идеологии в России, и театральная реформа, и судьба молодых актеров.

Андрей Морозов

– Александр Анатольевич, оказывается, вы везучий человек!

– Это ты о чем?

– Как же – можно сказать, на вас упал самолет «Максим Горький», а вам ничего.

– Вранье. Он не весь на меня упал, только задел крылом дом, у которого я лежал в колясочке. Мне был тогда год. С тех пор на меня ни разу ничего не падало. Какой же я везунчик?

– Не грех ли жаловаться с такой судьбой и карьерой?

– Карьера – это мера тщеславия, а у меня тщеславие дозировано необходимостью не выпасть из обоймы достойных людей.

– Но вы еще и смелый человек. Вас попросили освободить в томской гостинице номер для Солженицына, а вы отказали.

– А что, он ехал, как Ким Чен Ир, через всю Россию, а я должен был выметаться из номера, в котором было все-таки меньше комаров, чем в соседнем?

– Часто ли у вас в жизни бывали такие случаи, когда вы отказывали тем, кто повыше?

– Во-первых, меня выгонял не лично Солженицын, а какой-то третий секретарь четвертого райкома. А во-вторых, если он меня выше, то значит – я смелый.

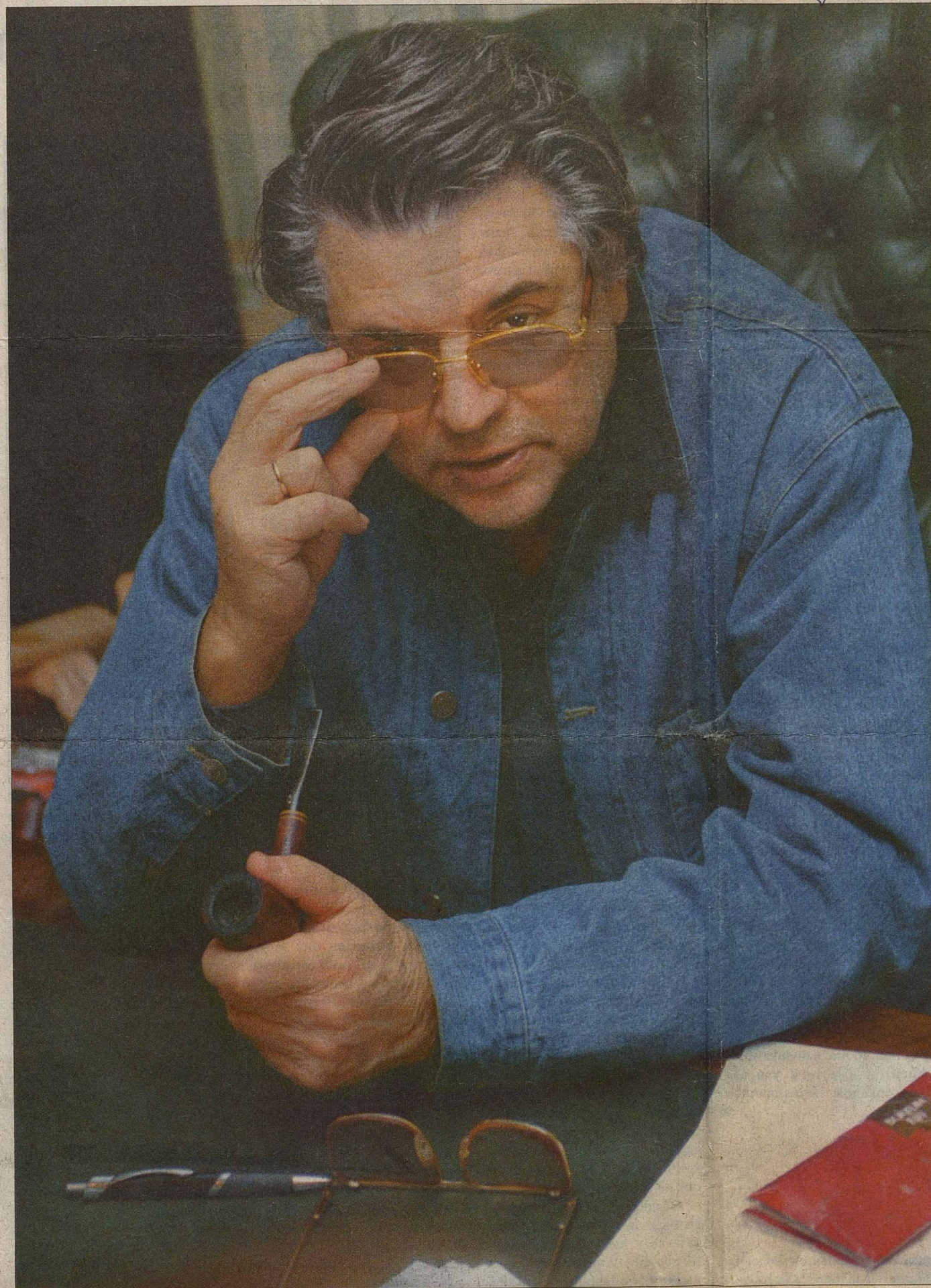
– Вашему театру уже 80 лет. Как отмечать будете?

– Я уже просто измучился от этого. 10 декабря нам кровь из носу нужно сыграть обозрение «Нам все еще смешно». Вот думаем, мечемся, страдаем, ругаемся, плачем и смеемся...

– Над чем вы все еще смеетесь?

– Смешно, что дожили до 80. И все еще смешно. Хотя, когда посмотришь на то, что окружает, бывает грустновато до улыбки.

– Раньше шутили с фигой в кармане. А сегодняшний юмор вам нравится?

Александр Ширвиндт: «Надо знать предмет и быть профессионалом».

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

– Без дефицита и запрета нет страсти к существованию и к творчеству. Чему сейчас проскакивать в этом хоре безнаказанности, безнадзорности, вседозволенности? Через что сегодня существовать? Когда есть хоть какая-то идеология или идея и вокруг них идет политическая или художественная борьба, тогда это понятно. А когда идеи нет, идеология размыта – тогда что?

– Вас так волнует отсутствие в России идеологии?

– Меня это не волнует, потому что я никогда особенно не прикипал ни к каким тенденциям. Но сейчас все чаще задумываюсь, что без нее народонаселению нельзя существовать. Должен быть какой-то зацеп. С религией не получилось, она стала обязаловкой, а так не бывает. Коммунистическая религия – как бы она ни была страшна – была железной и непоколебимой. Шаг влево, шаг вправо – расстрел. Поэтому люди выкручивались, и если они не дозревали до диссидентства, то существовали на грани, как великий актер Райкин. Тогда был манок – эрекция необходимости что-то сделать. А сейчас что?

– Получается, что никакого азарта у вас нет – раз нет табу?

– У нас сейчас творческий азарт. Вот надо сделать это обозрение. Оно будет смешное.

– Вы так говорите: «сделать смешное» – как будто сделать табуретку. Это так просто – делать смешное?

– Это дико трудно. Но надо. Мы уже два месяца бьемся над этим. Берем что-то из спектаклей, а в биографии театра были спектакли, которые и закрывали, и переделывали, и ущемляли. Мы пытаемся оттолкнуться от нашей классики.

Вот взять «Трехгрошовую оперу». Когда она ставилась, то казалось, что это просто оперетка про что-то далекое, про какую-то мафию. А сегодня ощущение, что она как будто вчера написана. Или «Горе от ума». Пушкин недаром называл Чацкого дураком, потому что тот метал бисер перед свиньями. Мы чуть-чуть по-другому повернули, и Чацкий получился у нас как «сегодняшний профессиональный революционер».

– На кого намекаете?

– Мы намекаем на тех, на кого намекаем.

– Почему-то не слышно от вас шуток про нынешнюю власть. Страшно или неохота?

– Ничего не страшно. Просто неохота. Зачем?

– Как так – раньше было за чем, а теперь незачем?

– Надо понять – во имя чего. По мелочам, что ли? Ах, зачем отменили льготы и дали 50 рублей? Или обсуждать, на две или на три буквы послал Киркоров эту девчонку? Вся страна остановилась! Как она его достала и куда ее надо было послать, мы знаем, хотя мы не киркоровы, но через это тоже проходили. А весь народ с вилами был готов идти на Киркорова, вместо того, чтобы идти с этими вилами в мирных целях.

– А как вы относитесь к идее чиновников провести театральную реформу – оставить 5–6 театров на госдотации, а остальные пусть сами барахтаются?

– Это все напоминает мне какое-то безумие. Раньше филармони-

тов. Лицо с экрана – страшная вещь. Ведь то, что творилось с «Кабачком», было просто катастрофой. Покойный Плучек по потолку летал и запрещал в нем сниматься, но все равно снимались. И маски прилипали к актерам. Днем артист на съемках был паном директором, а вечером он играет в «Беге» Черноту. Но его все равно все воспринимают как пана директора. На самом деле театрального зрителя очень мало. Люди ходят в театр «убить вечер».

– Как же вы выходите на сцену, когда знаете, что больше половины зала пришли, как вы сказали, «убить время»?

– По-разному бывает. Все-таки есть люди, которые следят за театром. Есть и такие, которые приходят, чтобы на два часа отключиться от всего, что происходит вокруг. Это тоже полезно. Мы все-таки сфера обслуживания.

– Как общепит?

Мы опоздали со спонсорами, они уже все разобраны

ей мог руководить бывший директор стекольного завода. Говорят, что даже один из бывших министров культуры России был из кочегаров. Тогда ведь на культуру бросали всех, кто везде обделался.

Сейчас Дума будет рассматривать театральную реформу без всяких собеседований, обсуждений и коллоквиумов. Просто будут сидеть такие, как Харитонов, и решать, что делать с театром. Мне жалко Харитонova.

– Так почему же не поспеять над властью, которая придумывает вот такую реформу?

– Я просто не понимаю, зачем нужна эта власть, которая занимается реформированием театра, а театра не знает. Надо же знать предмет и быть профессионалом.

– Вы часто говорите о невосребованности молодых актеров. В чем причина этого?

– В ящике. Он дает так называемый рейтинг, а ребята, которые не попали в эту обойму, вынуждены чего-то добиваться в театре. Но тут свои проблемы. Зрители ходят на известных артис-

– Ну почему сразу общепит? Культурное обслуживание. Мы обслуживаем досуг трудящихся. – А как же «служенье муз»? – Хорошо. При помощи «служенья музам» мы обслуживаем досуг трудящихся.

Кстати, многие ведь приходят не на Ширвиндта, Державина или Аросеву, а на название спектакля.

– Вы вице-президент Английского клуба. Что это за собрание, на ваш взгляд?

– Это попытка возрождения традиций. Раньше это был закрытый мужской клуб, где играли в карты, беседовали. Все было сделано так, чтобы ты в нем мог провести свой досуг. В возрожденном виде он уже существует восемь лет. Конечно, это реанимация, и немного не туда и не то. Но поскольку все мы варимся в собственном соку, то хочется расширения информации. В Английском клубе собираются политики, академики, композиторы, художники. Они там более или менее раскрепощены, ходят коллективно на спектакли.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

173